

МАО
ЦЗЕДУН

*Маленькая
красная
книжица*

Мао Цзедун

Маленькая красная книжица

«Алисторус»

2020

УДК 32
ББК 66

Цзедун М.

Маленькая красная книжица / М. Цзедун — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907351-69-1

Мао Цзедун – один из величайших политических деятелей XX века. Это доказывается тем, что идеи Мао популярны не только в Китае. Его высказывания давно стали лозунгами леворадикального движения во всем мире. Достаточно вспомнить, что еще в 1968 году в Париже и в Вашингтоне восставшие студенты скандировали слоганы из произведений Мао, сражаясь на баррикадах. И в наши дни по-прежнему существует множество почитателей «великого кормчего». В чем же притягательность идей Мао Цзедуна? Каким он видел будущее мира? Какие пути развития предлагал? Об этом говорится в его главных работах, собранных в «Маленькую красную книжицу». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-907351-69-1

© Цзедун М., 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Предисловие. Четыре мифа о Мао	6
Часть 1. Произведения Мао Цзэдуна	31
Глава 1. «Маленькая красная книжечка»	31
I. Коммунистическая партия	31
II. Классы и классовая борьба	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мао Цзэдун

Маленькая красная книжица

© Шапинов В., Кагарлицкий Б., составл., предисл., комментарии, 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Предисловие. Четыре мифа о Мао

Авторы старинных сказок населяют дальние страны причудливыми существами с двумя головами или с одним глазом, гигантами или, наоборот, лилипутами. Страна истории, волей современных сказочников, оказывается населенной подобными существами, часто имеющими мало общего с жившими на самом деле людьми. Разница в том, что для древних сказителей дальние страны были лишь способом высказаться о ближних, не касаясь прямо дел шахов, визирей и прочих сильных мира сего. Для современных же сказочников, вооруженных по последнему слову пиар-технологий, история оказывается благодатным полем для упражнений в угождении сильным мира сего, в защите их власти, богатства и авторитета от незаконных посягательств какого-нибудь Али-Бабы или от ядовитых остроумий Ходжи Насреддина. Их поучительные истории направлены на то, чтобы безусловно доказать, – существующий порядок вещей самый лучший и самый разумный из возможных, а всякие попытки его изменить приводят лишь к кровавому безумию террора, власти самых темных и низменных инстинктов толпы, мрачной диктатуре.

Герои, сложившие голову в борьбе, такие, как расстрелянный в джунглях Боливии агентами ЦРУ Эрнесто Че Гевара, еще имеют шанс удостоиться снисходительного похлопывания по плечу со стороны современных хозяев дискурса. Мол, они стремились сделать жизнь лучше, их благие намерения достойны уважения и т. д. и т. д... Но стоит только революционерам победить и начать, хорошо или плохо, но преобразовывать мир в интересах тех самых обездоленных, над бедами которых проливают декалитры слез либеральные гуманисты, то снисходительное похлопывание по плечу превращается в уничтожающие удары. Они могут принять великомучеников революции, мертвых героев, но никогда не примут живую победившую революцию.

Либералы, привыкшие давать народу материальные и духовные блага, как подавание, и привыкшие получать за это от народа причитающуюся благодарность, негодуют, когда сам народ начинает брать то, что ему нужно, не спрашивая дозволения и разрешения. Тогда народ в глазах высокообразованной публики превращается из страдающего агнца в монстра, замахнувшегося на основы основ цивилизации, а вожди этого народа предстают монстрами в квадрате. Единственное средство от повторения подобных «трагедий» видится для либеральных гуманистов в том, чтобы покрепче напугать народ великими потрясениями и в особенности их организаторами. И тут уже не остается дурных средств, чтобы вымазать черной краской исторический портрет замахнувшихся на старый порядок – все революционеры от якобинцев до большевиков становились жертвами такой обработки, им приписывались самые низменные цели и самые ужасные средства.

Морализирующие обличители революции продолжают свое дело, несмотря на то, что, как заметил когда-то Михаил Лифшиц, не будь революции они и до сих пор, наверное, стояли бы с подносом за спинкой кресла своего барина...

Ребенку, появившемуся на свет в провинции Хунань в двенадцатый день одиннадцатого месяца года Змеи, или 26 декабря 1893 года, суждено было стать одним из любимых объектов нападков профессиональных сторонников «умеренного прогресса в рамках законности» и врагов скачков и революций.

Мифы и легенды живучи, особенно, когда за ними стоит сила и власть современных медиа, помноженные на предрассудки современного образованного мещанства. Бороться против демонической силы этого прекрасно организованного невежества не так просто. Однако, попробуем опрокинуть некоторые из мифов, окружающие имя великого китайского революционера Мао Цзедун. Это необходимо сделать, чтобы читатель имел возможность читать тексты Председателя не через многослойную призму этих мифов, а своими собственными глазами.

Фигура Мао Цзедуна в истории XX века столь значительна, что трудно найти событие второй половины прошлого столетия, где не ощущалось бы ее влияния. В 60—70-е годы XX века портрет Мао можно было увидеть не только в Китае, но и над колоннами бунтующих студентов Парижа, найти в вещмешках партизан Латинской Америки, он висел в кабинете Жан-Поля Сартра и в лачуге восставшего против помещика индийского крестьянина. Мао цитировали члены американской негритянской повстанческой партии Черных Пантер, перуанские индейцы и даже погибший недавно президент Конго Лоран Дезире Кабила писал свою политическую программу, обращаясь за советом к произведениям Председателя.

Однако в 1920-е годы, когда Мао только начинал свою революционную «карьеру», ничто, казалось, не указывало на ту роль, которую ему суждено будет сыграть в истории Китая и всего мира. Когда 1 июля 1921 года в закрытом по случаю летних каникул женском колледже на территории французской концессии в Шанхае собрались делегаты учредительного съезда Коммунистической партии Китая из Пекина, Кантона, Цзинани, Чанши, Токио и других мест, на съезде присутствовал и скромный делегат от провинции Хунань – Мао Цзедун.

По возвращении в родную провинцию Мао был избран секретарем Хунаньского отделения КПК. На тот момент в многомиллионном Китае насчитывалось чуть меньше двух сотен членов коммунистической партии...

Позднее, возглавляя партию, которая объединяет уже несколько миллионов членов, одержала ряд крупных военных и политических побед, он напишет, анализируя свой опыт: *«Правильность или неправильность идеологической и политической линии решают все. Когда линия партии правильна, все остальное приложится. Если нет последователей, последователи появятся; если нет винтовок, винтовки появятся; если партия не имеет политической власти, она сможет завоевать политическую власть»*. Более пятидесяти лет жизни Мао посвятит борьбе за правильную идеологическую и политическую линию.

С самого начала и до конца эти пятьдесят лет борьбы Председателя окружены плотным облаком мифов, наслаивающихся друг на друга и искажающих до неузнаваемости историческую правду.

Так, в литературе о лидере китайской революции господствует мнение о том, что Мао Цзедун является крестьянским вождем и никак не связан с рабочим классом. Эта точка зрения культивировалась и советской пропагандой, пытавшейся таким образом подкрепить свой тезис о «мелкобуржуазности» самого Мао и его критики в адрес политики Хрущева, Брежнева и позднесоветских порядков. Для западных исследователей тезис «Мао – крестьянский вождь» является спасительной соломинкой, схватившись за которую можно заявить, что марксизм, настаивающий на ведущей роли пролетариата, был лишь внешней формой, фразеологией китайской революцией, а сутью была загадочная «китайская специфика», неподвластная европейским рационалистическим теориям. Отсюда – один шаг до отрицания универсальности всемирной истории и сведения ее к непримиримому «конфликту цивилизаций», где одни цивилизации становятся оплотом европейской культуры и демократии, а другие – азиатского варварства и деспотизма, до теории, ставшей знаменем американских войн в Сомали, Афганистане, Ираке и обоснованием подготовки войны против Ирана.

Однако даже когда в Китае на 250 миллионов крестьян приходилось около полутора миллионов промышленных рабочих, большинство которых было сконцентрировано в городах прибрежной полосы и трудилось на иностранный капитал, Мао уделял основное внимание организации рабочих.

В те годы фабричные порядки Англии времен промышленной революции с 12—14-часовым рабочим днем и казарменной дисциплиной, вытесненные из Европы организованным рабочим движением, приходили в колонии и полуколонии, только начинавшие свое индустриальное развитие. Вот как описывает господствовавшие в Поднебесной условия труда деятель профсоюзного движения США Шервуд Эдди, побывавший в те годы в Китае:

«На спичечной фабрике в Пекине заняты около тысячи рабочих, среди них много детей от 9 до 15 лет. Рабочий день начинается в половине пятого утра и длится до половины седьмого вечера, с перерывом всего на несколько минут. Так продолжается семь дней в неделю. Вентиляция отсутствует, помещения полны губительных паров фосфора. Уже через полчаса у меня горело горло, рабочие же дышат этим воздухом целую смену. В среднем ежедневно заболевают 80 человек.

Я посетил также и текстильную фабрику, где работают 15 тысяч молодых людей. ...В крошечной клетушке общежития проживают десять человек: пять работают днем, пять ночью... Спят работницы на деревянных досках, укрываясь рваными циновками. Самое страшное для них – не услышать воя фабричной сирены: опоздавших выбрасывают на улицу. Эти люди не живут. Они просто существуют».

Порядки фабричной казармы в городе плюс всевластие помещика, покупка невест, вера в духов, периодический голод в деревне – это и было последним словом «тысячелетней цивилизации», основы которой якобы насильственно сломал коммунистический переворот.

Лишь несколько фрагментов работы Мао по организации рабочих наглядно демонстрируют, что этот человек был вовсе не китайским вариантом Емельяна Пугачева.

До 1920 года единственной формой организации рабочих в Хунани, где в качестве партийного секретаря работал Мао, оставались доставшиеся в наследство от средневековья профессиональные гильдии. Однако в ноябре 1920 г. двое студентов-анархистов Хуан Ай и Пан Женьцюань основали Хунаньскую ассоциацию рабочих – первый рабочий профсоюз провинции, через год объединявший уже около двух тысяч рабочих. Вскоре Хуан и Пан под влиянием Мао вступили в Лигу социалистической молодежи. Мао уделял большое внимание организации рабочего движения, подчеркивая необходимость политической борьбы рабочих. Он писал в газете «Рабочий еженедельник»: *«Организация нужна не просто для того, чтобы забастовками заставить нанимателя сокращать рабочий день и повышать оплату труда. Организация должна будить классовое сознание и вести борьбу за интересы всего класса наемных работников».*

В 1922 году в городе Хуаши вспыхнула забастовка на хлопкопрядильной фабрике, администрация которой отказалась выплатить рабочим ежегодное вознаграждение. Губернатор Чжао вызвал лидеров забастовки Хуана и Пана на переговоры, в ходе которых пообещал выплатить рабочим причитающееся. Но затем обоих молодых людей казнили. Вероломство Чжао потрясло весь Китай. Наказать губернатора потребовал сам президент Сунь Ятсен. Действия губернатора привели к активизации рабочего движения, что позволило Мао развернуть работу еще шире. Он создает сеть вечерних школ, в которых учителями работали члены партии, пишет учебник, который не только позволяет овладеть письмом, но и знакомит читателя с социалистическими идеями. В сентябре 1922 года железнодорожные рабочие, требуя повышения зарплаты и улучшения условий труда, вышли на рельсы и блокировали движение. Присланные для наведения порядка войска открыли огонь по забастовщикам. Шесть человек были убиты, многие, в том числе женщины, ранены. Мао призвал к борьбе: *«Товарищи! Только на класс тружеников обрушиваются столь жестокие, бесчеловечные унижения. Есть ли предел нашему гневу? Можно ли измерить нашу ненависть? Какой мощи будет наш отпор? Мстить, мстить! Рабочие всей страны, поднимайтесь на борьбу с врагом!»* – такое обращение разослал Мао рабочим организациям.

По предложению Мао угольщики, с которыми он работал с сентября 1921 года, присоединились к забастовке. Забастовка расширялась, и под угрозой ее перерастания в общенациональную власти согласились выполнить требования бастующих. Это было большой победой. В сентябре 1922 года Мао создает Союз каменщиков и плотников, в который вошли более тысячи человек. 5 октября Союз начал забастовку за повышение расценок за работу. Через 12 дней власти создали согласительную комиссию и сурово предупредили рабочих: «Упрямство

не доведет до добра. Одумайтесь, пока не поздно». Комиссия предложила расценки, которые были выше старых, но не удовлетворяли требования забастовщиков.

23 октября было решено провести марш протеста. Власти марш запретили. Многие активисты заколебались. Но Мао убедил рабочих биться до конца. На следующий день на улицы вышла колонна из четырех тысяч каменщиков и плотников. Среди них в одежде простого рабочего был и Мао. К рабочим вышел адъютант губернатора. *«Когда около десяти вечера я проходил по площади, – писал случайный свидетель событий, – мое внимание привлекло интереснейшее зрелище... Я вижу, как чиновник взбирается на скамью и призывает собравшихся вернуться к семьям. Один из рабочих предлагает товарищам выразить свое мнение голосованием, но на вопрос, есть ли желающие отправиться домой, вверх не поднимается ни одна рука. «Вот вам наш ответ», – повернулся рабочий к чиновнику».* Этим рабочим, беседовавшим с адъютантом губернатора, был Мао. Забастовка достигла своей цели. Расценки были подняты, к тому же губернатор постановил, что вопросы расценок будут решаться на равноправной основе договором сторон, а не через средневековые гильдии, как раньше. Так Мао положил конец господству гильдий, этому наследству сотен лет феодализма, в Чанша.

Однако революция в Китае действительно пошла не по классическому европейскому пути «из города в деревню», а наоборот – «из деревни в город». Мао Цзедун был одним из первых, кто понял это. В 1927 году, после кровавого поражения рабочего восстания в городах, Коммунистическая партия Китая переходит к созданию крестьянской Красной армии, которая, руководствуясь учением Мао о затяжной народной войне, разбила в 1949 году войска Гоминдана – партии китайской буржуазии и установила Китайскую Народную Республику.

Но революционная война и победа армии из бедных крестьян для Мао не были окончанием революции. Наоборот, это только самое начало. Крестьянская армия – это способ свержения старой власти, но преобразование общества – дело организованных рабочих.

Однако и «крестьянская война», которая привела к победе в 1949 году, была не простой крестьянской войной, она велась под руководством партии, воспитанной борьбой городских рабочих и теоретической основой которой был марксизм – пролетарская, а не крестьянская, теория.

«В национально-освободительном движении необходимо отстаивать гегемонию пролетариата, – писал Мао Цзедун¹. – Только рабочий класс является наиболее дальновидным, бескорыстным и последовательно революционным классом. Вся история революции свидетельствует о том, что без руководства рабочего класса революция терпит поражение, а при его наличии – одерживает победу»².

* * *

«Почему дырявят древний собор? – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой, – писал в 1919 году великий русский поэт Александр Блок. – Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мошной, а дураку – образованностью. Все – так».

Народная энергия обращается против культуры – это любят подчеркивать противники революции. Но они не замечают того, что заметил острым взглядом поэта Блок. Того, что веками культура обращалась против народа, причем культура, созданная за счет народа. Сто-

¹ Апологеты неокOLONиализма // Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения. – Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1965. С. 219. – Примеч. В.Шапинова.

² Мао Цзедун. О демократической диктатуре народа. – Примеч. В.Шапинова.

летьями, чтобы один мог наслаждаться живописью, книгой, слагать стихи или писать музыку, десятки должны были чистить нужник, стоять у станка, рыхлить землю.

Естественно, что когда эти темные массы поднимаются к историческому творчеству, они могут негативно относиться к отчужденной от них культуре. Вина в этом, конечно, не самих масс, а той системы разделения труда, которая делала для них достижения искусства и науки недоступными. Революция же не только высвобождает эту «негативную» энергию народа, но и впервые открывает ему окно в мир культуры, показывает, что культура, развивавшаяся в отчужденной форме, на самом деле принадлежит народу.

В XX веке социальная революция захлестнула полуфеодальный, крестьянский, спящий Китай, и, конечно, условия предопределили то, что культуроборческая тенденция в этой революции оказалась сильна.

В период Мао люди продырявили не один храм. И сегодня в любом учебнике по истории Китая можно прочесть про «бесчинства хунвейбинов». Но где и когда история обходилась без таких «бесчинств», если менялся столетиями существовавший уклад жизни? Французская революция отрубила голову великому физическому Лавуазье, тем не менее, без революции 1789 года не было бы современной Европы, и вряд ли кто-то из французов захотел бы посадить себе на шею аристократию, духовенство и короля, чтобы такой ценой сохранить жизнь ученого.

Американцами в Багдаде был разграблен величайший музей, где хранились уникальные экспонаты древних культур Междуречья, разрушены памятники истории. В каких учебниках об этом написано? По разным подсчетам, в результате войны в Ираке погибло от 600 тысяч до 1 миллиона человек... И вы продолжаете считать жертвы революции?

Кризисная ситуация складывается объективно и общество само сваливается в пучину насилия, которое практикуют все борющиеся стороны. Другое дело, что революция применяет насилие, чтобы создать новое, а контрреволюция – чтобы сохранить старое. Армия революции и армия контрреволюции часто одеты в одинаковые одежды, используют одинаковое оружие, но цели их разные и глубоко не правы те, кто ставит между ними знак равенства на основании первого и не видит второго.

Но революция, разрушая старые институты, создает для культуры новые, не виданные ранее, пространства. Привлекая миллионы к управлению государством, перестройке экономики социальная революция не только дает им возможность овладеть культурой, но и в каком-то смысле обязывает к этому, потому что задачи революции нельзя решить без высокого культурного уровня.

Да, в Китае читали цитатник Мао. Но важно понимать значение этого сборника для конкретных условий Поднебесной тех лет. Очевидец событий культурной революции, француз Жан Делен писал в своей книге «Экономика Китая»: *«Идеи Мао и их почти чудодейственные свойства, которые им приписывают в Китае, подвергались осмеянию. Действительно, пропаганда режима часто так превозносит их, что мы не можем не поражаться, но катехизис гражданской добродетели, каким является «Красная книжечка», является фактором прогресса. Если ее эффективность трудно постигается представителями западных стран, которые совершали свою «культурную революцию» на протяжении нескольких веков, то это происходит потому, что они плохо понимают, насколько отсталым является сознание крестьян. О проделанных за короткий период преобразованиях свидетельствует заявление директора одной народной коммуны иностранцу: «В старое время (т. е. до 1949 г.) крестьяне приписывали болезни растений действиям богов и ничего не предпринимали для борьбы с ними. Сейчас каждая производственная бригада имеет человека, занимающегося выявлением наиболее распространенных болезней и средств борьбы с ними. До Освобождения крестьяне верили, что дождями управляет бог-дракон, а в настоящее время они знают их научные причины»³.*

³ Делен Ж., указ. соч., с. 29. – Примеч. В.Шапинова.

Конечно, для «интеллектуалов» привычно свысока поплевывать на темную и забитую массу, только делающую первые самостоятельные интеллектуальные шаги и для которой цитатник является букварем марксизма. Но тем самым такой «интеллектуал» лишь покажет свой собственный низкий нравственный уровень. Первоклассник читает букварь, а не Толстого и Достоевского, и лишь дурак поставит ему это в упрек.

Тем не менее революции всегда и везде ставят в упрек то, что она вынуждена начинать с весьма низкого уровня, и дает массам в руки «примитивный» букварь. Только при этом забывают, что низкий уровень этот достается революции в наследство от старого общества. Пройдя букварь, можно приступить к более серьезному чтению, таким образом, «революционный букварь» пробивает брешь в той стене, которая в классовом обществе отделяет культуру для «элиты» от «культуры» для быдла.

Маяковский в первые годы революции писал стихи, пропагандирующие кипячение воды. И это говорит не против Маяковского, а против той отсталости в какой жил наш народ до 1917 года. В Китае эта отсталость была несоизмеримо больше.

Всякая революция пробуждает не только лучшие качества народа. В мутной воде исторического действия всегда находятся желающие половить свою рыбку, часто говоря самые «правильные» слова. Только имея в виду это, можно оценивать великие движения прошлого.

Но эксцессы, даже если они исходят от самих масс, а не навязаны «левой» горячкой вождей, должны подвергаться критике. Но и сама критика должна осуществляться с позиций будущего, а не старого общества, иначе она не будет не чем иным, как призывом вернуться в старый хлеб.

Китайская революция дала массам голос. Здесь появилась уникальная форма свободы слова – дацзыбао. Дацзыбао означает «газета, написанная от руки большими иероглифами», она вывешивалась в специально отведенных для этого местах, или просто в местах скопления людей. Дацзыбао мог вывесить любой человек по собственному желанию, для них отсутствовала цензура, а в текст Конституции КНР лично Мао Цзэдуном был включен пункт, гласящий, что вывешивать дацзыбао – это право гражданина Китая.

При капитализме публичное выражение народными массами своего мнения практически исключено. Конечно, при буржуазной демократии каждый может выйти на улицу и кричать все, что ему вздумается, только это ни на что не повлияет. Средства массовой информации находятся в руках крупных монополий и выступают активным началом по отношению к так называемому «общественному мнению». То есть не общественное мнение отражается в СМИ, а наоборот, капитал при помощи СМИ формирует «общественное мнение».

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»⁴, – писали К.Маркс и Ф.Энгельс в «Немецкой идеологии».

При социализме средства духовного производства присваиваются пролетариатом. Во-первых, путем развития классового сознания через всеобщее образование и вовлечение в управление обществом. Во-вторых, путем экспроприации технических средств распространения информации – типографий, радио, телестанций и т. п.

Однако, в условиях сохраняющегося разделения труда эти «средства духовного производства» переходят в распоряжение всего общества не непосредственно, а в лице представителя этого общества, каким является государство. А это рождает возможность всяческих бюро-

⁴ Маркс К. Немецкая идеология // К.Маркс, Ф.Энгельс. Избранные произведения в 3 т. Т. 1, с. 39. – Примеч. В.Шапинова.

кратических злоупотреблений, типа «зажима критики» и т. п. В принципе, это не составляет такой уж серьезной проблемы для общества, развивающегося к коммунизму, но в условиях отсталой страны и давления со стороны империализма и ревизионизма дело усложняется.

Поэтому найденная китайскими коммунистами форма дацзыбао стала мощным средством прямой демократии, защиты пролетариата от его собственных чиновников, а также подлинной свободы слова, не для узкого круга журналистов, писателей, философов, критиков, а для широких масс. Содержание дацзыбао никто не цензурировал, и они стали значительнейшим фактором общественной жизни Китая в эпоху Мао. Наиболее значимые дацзыбао перепечатывали в газетах и передавали по радио.

С дацзыбао началась и культурная революция. Этой дацзыбао была написанная ассистентом философского факультета Не Юаньцзы и шестью студентами и аспирантами листовка с критикой руководства Пекинского университета, а также Пекинского горкома партии. Авторы дацзыбао критиковали руководство университета за зажим критики и запрет проведения публичных митингов и открытого обсуждения политической жизни. Появление этой дацзыбао послужило сигналом к началу массового движения среди студентов университета против первого секретаря парткома и ректора университета Лу Пина. И более широкого движения по всей стране против зажима критики, бюрократизации партии и государства, а также за дальнейшее движение к коммунизму, которое консервативные группы бюрократии всячески сдерживали.

В книге французского экономиста Шарля Беттельхейма «Китай 1972: экономика, промышленность и образование после культурной революции», рабочий Лю Миньни, лидер пропагандистской группы в университете Цинхуа в Пекине рассказывает о периоде господстве Лу Пина:

«Они испортили партию, постоянно принимая в нее буржуазных и реакционных профессоров, и, таким образом, преобразовали ее в «партию профессоров», всю пронизанную академической властью. ...В то время как в стране действовала диктатура пролетариата, университет Цинхуа был под властью буржуазии. Ян Наньсян удерживал оба поста – ректора и партийного секретаря университета. В идеологии он поклонялся индивидуалистической теории познания, утверждавшей вещи вроде: «ходи в школу, чтобы сделать себе имя», «выходи из школы как специалист, высокопоставленная персона, которая займет высокие посты в общественной иерархии и будет много зарабатывать»⁵.

Мао Цзедун лично дал указание перепечатать дацзыбао студентов и аспирантов Пекинского университета в центральных газетах и зачитать по радио. В центральном органе Компартии Китая «Жэньминь жибао» в дополнение к тексту Не Юаньцзы была также помещена статья «Приветствуем первую дацзыбао Пекинского университета». В статье говорилось, что в то время, как в стране разворачивается кампания против реакционной бюрократии, «в Пекинском университете препятствуют этому движению. Здесь царят холод и мертвячина, настоятельные революционные требования широких масс преподавателей и студентов подавляются»⁶.

Так началась своеобразная «революция в революции», борьба масс против косного государственного и партийного аппарата под руководством левой части лидеров партии и самого Мао. Сторонники председателя чувствовали, что если оставить «все как есть» и не двигать революцию дальше, то угроза перерождения и реставрации станет реальностью, примером чего могли уже тогда служить «застойные» порядки в СССР.

В июне-июле 1966 года студенты всех столичных вузов развернули борьбу против партийного и административного руководства учебных заведений. Борьба велась в разных формах и быстро перешла от довольно мирных форм (вывешивание дацзыбао, митинги) к борьбе ино-

⁵ Цит. по: В. Дикхут. Реставрация капитализма в СССР. – Примеч. В.Шапинова.

⁶ Яковлев М. 17 лет в Китае, с. 165. – Примеч. В.Шапинова.

гда с применением насилия по отношению к партийным боссам. Их заставляли присутствовать на митингах, где их разоблачали, как контрреволюционеров, на шею вешали таблички с оскорбительными надписями и т. п. Студенты штурмовали помещения парткомов и администраций вузов, вышивывая руководство на улицу.

Активность студентов и их готовность защищать революционную линию натолкнули Мао и других левых лидеров КПК на мысль сделать основную ставку на этом этапе революции на учащих. Эта ставка на молодежь и учащих вдохновила бунтующих студентов Парижа в 1968 году, для них Мао стал живым богом революции. Но если в Европе левые студенты проиграли, то в Китае они добились серьезных успехов.

Движение учащихся приняло форму массовых непартийных организаций молодежи. В столичных университетах появились лидеры нового движения: Не Юаньцзы в Пекинском университете, Куай Дафу в Университете Цинхуа, Тань Хоулань в Пекинском педагогическом университете, Хань Айцзинь в Пекинском авиационном институте, Ван Дабин в Пекинской горном институте. Те из них, кто не отказался от революционных убеждений, после прихода к власти китайского Горбачева – Дэн Сяопина провели долгие годы в тюрьме.

Организации учащейся молодежи получили название «хунвейбины», что обычно переводится как «красногвардейцы». Образовавшиеся в ходе культурной революции объединения рабочей молодежи были названы «цзяофанями», что означает «бунтари». Слова «хунвейбин» и «цзяофань» для Великой Китайской революции означают примерно то же самое, что и слово «санкюлот» для Великой Французской революции XVIII века или «забастовщик» для русской революции 1905–1907 годов, то есть общее название революционно настроенных представителей народа. Хунвейбинские организации были автономны и действовали в соответствии с собственным пониманием марксизма, они не подчинялись партийным или государственным учреждениям. Хунвейбинские организации были формой самоорганизации народа для осуществления прямой пролетарской демократии и противодействия реставрации капитализма.

Молодые хунвейбины, свергающие старых партийных бюрократов, были также и радикальным разрывом с конфуцианской традицией, тысячелетия закреплявшей авторитет власти, семьи и старшего поколения. Радикальный разрыв выступал не только как классовый конфликт пролетариата против национальной и мелкой буржуазии и связанных с ней представителей партийной бюрократии, но и как конфликт поколений, «отцов и детей». Так, одним из результатов культурной революции стал тот факт, что командные посты заняли представители нового поколения китайцев. Например, в Шанхае в 1974 году из 50 тысяч руководителей административных органов, управлений, заводов, торговых предприятий половину составляли люди моложе 30 лет⁷.

Сам Мао вовсе не поощрял крайние действия хунвейбинов, наоборот, он показывал, что их деятельность должна быть частью широкого революционного движения к коммунизму:

«Маркс говорил: «Пролетариат не только должен освободить самого себя, но и должен освободить все человечество. Если он не сможет освободить все человечество, то и сам пролетариат не сможет по-настоящему добиться освобождения». Прошу товарищей также обратить внимание на эту истину»⁸, – писал Председатель в письме одной из хунвейбинских организаций.

Так же мало обоснованы попытки представить Мао как диктатора, навязывающего силой «единомыслие». Социализм для Мао был обществом, где «расцветают сто цветов и соперничают сто школ», истина рождается в борьбе мнений, нет безусловных авторитетов, а вожди

⁷ Лазарев В.И. Указ. соч., с. 205. – Примеч. В.Шапинова.

⁸ Выступления и статьи Мао Цзедун разных лет, ранее не публиковавшиеся в печати. Сборник. Выпуск шестой. – М., «Прогресс», 1976. – с. 215. – Примеч. В.Шапинова.

(пока в них есть нужда) должны подвергать себя самокритике. Не раз с самокритикой выступал и сам Мао.

Культурная революция направлялась против высшей и средней партийной бюрократии, которую необходимо было «свергнуть». В то же время по отношению к широким массам, даже если над ними довлеет *«старая сила общественной привычки»* и они в той или иной мере противятся революции, принуждение не допускалось. Об этом специально говорилось в решении ЦК о культурной революции: *«Наличие неодинаковых мнений среди масс – нормальное явление. Споры между разными мнениями неизбежны, необходимы и полезны. В ходе нормальных и исчерпывающих дискуссий массы подтверждают правильное, исправляют ошибочное и постепенно достигают единства взглядов.*

В ходе дискуссий необходимо применять метод приведения фактов, выяснения истины и убеждения доводами. Нельзя прибегать к каким-либо средствам давления, чтобы навязать свое мнение меньшинству, придерживающемуся иной точки зрения. Меньшинство следует защищать, ибо иногда правда на его стороне. Даже когда меньшинство ошибается, ему все же следует позволить высказаться и остаться при своем мнении.

Когда идет дискуссия, ее нужно вести словами, а не пускать в ход силу»⁹.

В ходе культурной революции Мао вдохновлял идеал коммуны, – государства без бюрократии, где чиновники получают зарплату простого рабочего, полностью подконтрольны, избираемы и сменяемы народом в любой момент, государства диктатуры пролетариата. Коммуну создали восставшие рабочие Парижа в 1870 году, дав миру первый пример рабочего государства.

«Против... неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства, – писал Фридрих Энгельс. – Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того»¹⁰.

Коммуну создали в Шанхае в 1967 году сторонники Мао Цзедуна – Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь. Здесь, в крупнейшем городе Китая, индустриальном центре Азии, наиболее «рабочем» городе страны, разыгралась самая крупная битва между левыми и правыми в ходе культурной революции. Сторонники первого секретаря Шанхайского горкома Чэнь Писяня (после смерти Мао в результате прихода к власти правых он станет секретарем ЦК КПК), проводившего правую линию, и сторонники члена горкома Чжан Чуньцяо, столкнулись на улицах города.

Важную роль в «захвате власти» в Шанхае сыграл молодой рабочий Ван Хунвэнь. Он одним из первых подверг открытой критике руководство шанхайского горкома, заявив, что партбоссы пошли по капиталистическому пути, и создал на текстильной фабрике одну из первых организаций цзяофаней («бунтарей») для свержения ревизионистов. Его выступление было сигналом для рабочих заводов и фабрик. Рабочие стали массово создавать собственные политические организации и включаться в борьбу с прогнившим руководством горкома.

⁹ 11 Пленум ЦК КПК «Решение о великой пролетарской культурной революции», 8 августа 1966 года. – Примеч. В.Шапинова.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 200. – Примеч. В.Шапинова.

6 января 1967 года Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэнь созвали «митинг за свержение шанхайского горкома», собравший сотни тысяч рабочих. Бои в городе продолжались с 9 по 14 января и завершились взятием здания горкома массовыми организациями рабочих и учащихся под руководством Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюаня и Ван Хунвэня. Выступление левых, которое было позже названо «Январской революцией», привело к падению шанхайского горкома и переходу власти к сторонникам Мао Цзэдуна. Победа революции в Шанхае воодушевило Председателя, он сказал: *«Если поднялись революционные силы Шанхая, то есть надежда в масштабах всей страны»*.

После шанхайских событий развернулась борьба за «захват власти» по всей стране. Массовые организации (теперь тон задавали рабочие организации цзяофаней, а не учащихся-хунвэйбинов, как до этого) открыто выступали против правых руководителей партии. Партбоссы называли действия массовых организаций *«отказом подчиняться руководству со стороны партии, нарушением устава партии, нарушением партийной дисциплины»*, в ответ члены массовых организаций заявляли: *«Мы как раз и хотим разбить вдребезги и уничтожить устав партии, сострепанный Лю Шаоци и Дэн Сяопином. Наш устав партии – это непобедимые идеи Мао Цзэдуна. Мы хотим быть членами маоцзэдуновской КПК. Мы не желаем быть членами партии царствующего дома Лю Шаоци»*¹¹. Революция действительно совершалась не по уставу, и глупо было бы ожидать обратного. Классовый интерес – выше норм права. Массовые организации рабочих и учащихся, напрямую осуществляя диктатуру пролетариата, утверждали списки наиболее ненавистных бюрократов, которые решением масс исключались из партии.

Вопреки распространенным мифам о том, что Культурная революция была многолетним царством анархии, «захват власти» продолжался всего три-четыре недели, после чего Мао Цзэдун выступил с призывом *«упорядочить ряды»*, *«закрепить завоеванное»*.

Важнейшим результатом культурной революции, далеко выходящим за рамки чисто политических противоречий, является ломка тысячелетия складывавшихся в Китае на базе феодализма и азиатского способа производства общественных отношений и институтов общественного сознания, закреплённых в морально-идеологических схемах конфуцианства. Для дальнейшего развития (причем, независимо от того, капиталистического или социалистического) был необходим радикальный разрыв с этой традицией. Но он мог быть осуществлен только силами пролетариата, как показывает опыт соседней Индии. Буржуазия этой страны так и не смогла произвести свою буржуазную культурную революцию и сознание масс по-прежнему подчинено древним верованиям, а общество, интегрированное в мировую капиталистическую экономику, все так же, как и тысячу лет назад, воспроизводит кастовое деление.

Да, для разрыва нужно было и насилие. Причем в Индии «гуманистическими» последователями Ганди оно применялось куда в больших масштабах, чем коммунистами в Китае. Достаточно вспомнить практику принудительной стерилизации политических заключенных и подавление борьбы крестьян за земельную реформу в штате Западная Бенгалия.

Сам же Мао никогда не применял смертную казнь к своим политическим противникам. Даже тому, кто официально был признан контрреволюционером, оставляли жизнь и отправляли работать в сельскохозяйственный кооператив или на завод. Затем, часто, возвращали. Председатель говорил тем, кто настаивал на «сталинских» методах: *«Какой вред будет, если не казнить людей? Если можно человека перевоспитать трудом, так пусть перевоспитывается. Ведь и отбросы превращают в полезные вещи. Далее, человеческая голова не луковица, которую раз срежешь, и она опять вырастет. Срежешь голову по ошибке, захочешь исправить ошибку, да не тут-то было»*.

¹¹ Хунвэй чжаньбао. № 5 от 24 января 1967 года, цит. по: Галенович Ю.М., Из истории политической борьбы в КПК. М. 1988, с. 90. – Примеч. В.Шапинова.

Конечно, Мао не был толстовцем, но не был и нечаевцем. Видимо и здесь ему удалось нащупать «правильную линию».

Да, Мао писал о том, что «винтовка рождает власть», но важен контекст этого изречения. Это было сказано в 1938 году, в ходе антияпонской войны, когда дело действительно решалось «винтовкой». В другое время Мао подшучивал над западногерманскими левыми террористами из РАФ, которые *«перепутали Китай 1927-го и Германию 1972-го»*, решив создать Красную армию.

Найти путь между Сциллой реформизма и Харибдой ультралевого авантюризма – задача каждого революционера. С этой задачей Мао Цзедун справился. Он не только выступал против левачества, но всегда помнил и напоминал другим, что *«революция – это не званый обед, не литературное творчество, не рисование или вышивание; она не может совершаться так изящно, так спокойно и деликатно, так чинно и учтиво. Революция – это восстание, это насильственный акт одного класса, свергающего власть другого класса»*. Так и хочется написать эту цитату на лбу членам зюгановской КПРФ, не правда ли?

* * *

Кто не слышал о том, что «левые эксперименты» в экономике Китая в период Мао провалились? «Плановая система хозяйства неэффективна по сравнению с рыночной» – вот тезис, для обоснования которого, с точки зрения неолиберальной экономической науки, все средства хороши. В том числе и прямая подтасовка фактов, как в случае с социалистической экономикой Китая.

Но прежде чем мы перейдем на сухой язык цифр, отметим, что есть эффективность, которая выражается в объемах производства, накоплении капитала и эффективность с точки зрения уровня жизни масс, роста продолжительности жизни, снижения детской смертности и т. п. Если с первым видом эффективности глобальная неолиберальная экономика худо-бедно справляется, то по вопросу о «гуманитарной эффективности» ее апологетам просто нечего сказать. Она абсолютно неэффективна в «человеческом измерении».

В Китае отсталость страны не давала вести социалистические преобразования быстро. Приходилось на первых порах также учитывать и интересы национальной буржуазии (окончательно экономические рычаги у нее были отобраны только во время культурной революции). Преобразование частных предприятий в государственно-частные было завершено только в 1956 году.

С теми же трудностями столкнулись китайские коммунисты при проведении аграрной реформы. До победы революции 70 % всех обрабатываемых земель Китая принадлежали помещикам и богатым крестьянам-кулакам, которые составляли 4 % и 6 % сельского населения соответственно. 60 % всех крестьянских хозяйств были вынуждены обращаться к помещикам и кулакам за кредитами, которые приходилось отдавать с огромными процентами. Такая форма эксплуатации многомиллионного крестьянства была причиной бедности сельского населения и неразвитости хозяйства Китая на протяжении столетий.

Земельная реформа была проведена в течение трех лет: с 1949 по 1952 год. В ее ходе между крестьянами было разделено бесплатно 46 миллионов гектаров земли, были розданы сельскохозяйственные орудия, скот, жилые дома, принадлежавшие ранее богачам. Все это было распределено между крестьянами в равных долях независимо от пола, возраста или национальности. Все это является, конечно, «снижением эффективности» экономики с точки зрения экономистов Чикагской школы. Но, почему-то на деле привело к росту производства. Производство зерновых культур выросло с 108 млн. тонн в 1949 году до 185 млн. тонн в 1957 году, значительно превысив при этом максимальный дореволюционный показатель – 138,7 млн. тонн.

Естественно, это было только началом преобразований. Но уже в это время Мао был вынужден бороться не только против буржуазии, но и против тех в партии, кто хотел бы остановить революционный процесс на достигнутой стадии, «успокоиться». Он сказал, что в партийном руководстве *«есть и такие, которые после победы демократической революции топчутся на одном месте. Они не понимают, что характер революции изменился, и вместо социалистических преобразований продолжают заниматься своей «новой демократией». А это порождает правоуклонистские ошибки»*¹². Действительно, противники Мао предлагали *«прочно установить новодемократический строй»*, что фактически перечеркивало социалистическую перспективу. На VIII съезде КПК, правые явно взяли верх, о чем свидетельствует внесенная в его резолюцию формулировка: *«социалистическая революция в основном уже завершена»*¹³. Такое положение фактически отражало интересы частного капитала, заинтересованного в сохранении полурыночной экономики с господствующим государственно-капиталистическим укладом.

Только учитывая эту борьбу, можно судить об экономическом развитии Китая тех лет. Социалистическая тенденция встречала упорное сопротивление буржуазной линии.

Мао был нацелен на дальнейшее движение к социализму. Он писал: *«На смешанных государственно-частных предприятиях промышленности и торговли капиталисты все еще получают твердый процент, иначе говоря, все еще имеет место эксплуатация; с точки зрения собственности, предприятия этого типа не являются еще вполне социалистическими по своему характеру. Часть сельскохозяйственных кооперативов все еще носит полусоциалистический характер»*¹⁴. Иными словами, Мао Цзедун отказался признавать сложившуюся на тот момент экономическую систему социалистической и косвенно критиковал правого премьер-министра Лю Шаоци и большинство VIII съезда. В этом заключается коллизия Большого скачка и культурной революции: ставкой был вопрос – развиваться ли революции дальше или замереть на месте с перспективой дальнейшего отката назад?

Мао и его сторонникам удалось отсрочить этот откат на 20 лет, но, к сожалению, не предотвратить...

Большой скачок, конечно, не был странной, непонятно откуда взявшейся идеей «волютариста» Мао, как писала позднее советская пресса. Переход к нему был подготовлен двумя важнейшими фактами. Первый факт – это история социализма в СССР, а именно – ускоренное развитие промышленности в Советском Союзе в годы первых пятилеток. (Так, например, только с 1928 по 1932 год продукция машиностроения и металлообработки в Советской стране увеличилась в 4 раза, а по сравнению с 1913 годом в 7 раз). Второй факт – это ускорение развития самого Китая после внедрения в экономике социалистических методов. Например, выпуск стали в КНР с 1952 по 1957 год возрос с 1 млн. тонн до 5,2 млн. тонн, в то время как в соседней Индии он за тот же период увеличился всего с 1,6 до 1,7 млн. тонн.

Ускорение темпов развития вызвало большое воодушевление у рабочих и крестьян. Результаты превзошли ожидания. «Восточный больной», как называли долгое время Китай в Европе, очень быстро выздоравливал и становился на ноги. В период с 1954 по 1957 год рост производства составлял 12 % в год¹⁵. Однако, по всему было видно, что можно достичь куда больших темпов развития.

Один из китайских собеседников советского журналиста М.Яковлева так описывал настроения того времени: *«Я... сегодня утром слышал, как рабочие говорят: «На нашем заводе*

¹² Мао Цзедун. Критика правоуклонистских взглядов // Избранные произведения, т. 5, с. 105. – Примеч. В. Шапинова.

¹³ Мао Цзедун. Против буржуазной идеологии внутри партии // Избранные произведения, т. 5, с. 481. – Примеч. В. Шапинова.

¹⁴ Мао Цзедун. О правильном разрешении противоречий внутри народа // Избранные произведения, т. 5, с. 474. – Примеч. В. Шапинова.

¹⁵ Делен Ж. Экономика Китая. М. 1972, с. 17. – Примеч. В. Шапинова.

директор консерватор. А мы можем сделать все, даже то, что снится во сне»¹⁶. Таким образом, планы развития экономики, намеченные «правым» VIII съездом КПК, стали казаться консервативными не только группе левых в руководстве партии, но и большинству рабочих.

В тот же период в партийных документах вместо реляций о «победе социализма» появилась реалистичная формулировка: *«На протяжении всего переходного периода, то есть до построения социалистического общества, борьба между пролетариатом и буржуазией, борьба между двумя путями – социалистическим и капиталистическим – всегда будет главным противоречием внутри страны»*¹⁷. И это на фоне того, что СССР уже объявлен «государством всего народа», изжившим классовую борьбу и социальные противоречия, а КПСС «общенародной партией».

Сущность Большого скачка заключалась в том, что серьезную отсталость в средствах производства китайские коммунисты попытались компенсировать за счет трудового энтузиазма масс. Во многом такая ставка оказалась оправданной. Общий стоимостный объем валовой продукции промышленности Китая за 1958–1960 годы возрос в 2,3 раза – с 70,2 до 163,7 млрд. юаней, в тяжелой промышленности объем продукции увеличился в 3,4 раза – с 31,7 до 109 млрд. юаней¹⁸. По данным французского экономиста Жана Делена, *«годовой рост производства составил 31 % в 1958 г., 26 – в 1959 и 4 % в 1960 г., то есть среднегодовой рост составил 20 % в течение трех лет Большого скачка»*¹⁹.

Большой скачок дал неплохой экономический рост, однако лишь на недолгий срок.

Основной причиной окончания Большого скачка явился не «крах авантюры Мао Цзэдуна», как об этом писали в СССР и капиталистических странах. Свернуть Большой скачок заставили «внешние» причины. Во-первых, стихийные бедствия 1959–1961 годов, самые сильные в Китае за все двадцатое столетие, вызвали гигантский неурожай, что привело к серьезному ухудшению снабжения городов сельскохозяйственной продукцией. При этом выжимать максимум из «человеческого фактора» становилось негуманно и невозможно. Во-вторых, проявились «узкие места» китайской экономики, на которых пробуксовывало ускоренное развитие. Основным таким «узким местом» оказался транспорт, абсолютно не готовый обеспечить необходимый при таких бешеных темпах развития промышленности грузооборот.

Но, пожалуй, главной причиной свертывания Большого скачка и довольно длительного застоя периода «исправления положения» (1961–1966) стал отзыв Никитой Хрущевым советских специалистов. Китай не обладал в те годы достаточным количеством подготовленных кадров для того, чтобы продолжить реализацию намеченных проектов в промышленности без помощи советских инженеров. Большинство проектов начатых с советской помощью так и остались нереализованными. Это нанесло гигантский ущерб экономике Китая и оставило неизгладимый след в советско-китайских отношениях: для китайцев прекращение экономического сотрудничества стало шоком. Как писал, живший долгое время в Китае Жан Делен, *«китайцы все же не ожидали, что братская социалистическая страна так неожиданно покинет их. Они не могли поверить, что соперничество между государствами возьмет верх над идейной солидарностью и пролетарским интернационализмом»*²⁰.

Другой «экономической авантурой» Мао считается создание народных коммун.

Курс на создание народных коммун был намечен в августе 1958 года на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ. И это решение было вызвано не просто желанием сделать общественной собственностью все, «кроме зубных щеток», как об этом пишет боль-

¹⁶ Яковлев М. 17 лет в Китае. М. 1981, с. 63. – Примеч. В.Шапинова.

¹⁷ Цит. по: Видаль Ж. Куда ведет Китай группа Мао Цзэдуна, М. 1967, с. 38. – Примеч. В.Шапинова.

¹⁸ Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия, с. 238–239. – Примеч. В.Шапинова.

¹⁹ Делен Ж. Указ. соч., с. 18. – Примеч. В.Шапинова.

²⁰ Делен Ж. Указ. соч., с. 18. – Примеч. В.Шапинова.

шинство авторов, враждебных красному Китаю. Решение о переходе к коммунам было обосновано экономически.

Коммуна представляла собой более высокую степень обобществления на селе. В ее собственности переходили приусадебные участки и средства производства, оставшиеся в личной собственности крестьян. Другой особенностью народной коммуны было то, что в нее сливались несколько сельскохозяйственных кооперативов, и коммуна превращалась также в самоуправляемый орган, обладающий полнотой власти не только в области хозяйства, но и в административной сфере. Объединение нескольких сельхозкооперативов в коммуну позволяло высвободить необходимые трудовые ресурсы для производства сложных работ по ирригации и открывало перспективу соединения сельского хозяйства с промышленностью. Объединение также нивелировало различия между бедными и богатыми сельскохозяйственными кооперативами, имущество которых объединялось в общую собственность коммуны.

В ходе создания народных коммун была предпринята попытка перейти к бесплатному снабжению членов коммуны продуктами питания. Так, во «Временном уставе народной коммуны «Спутник» было записано: *«Любой член коммуны, какой бы рабочей силой ни располагала его семья, бесплатно снабжается зерновыми продуктами»*. Как отмечает критически настроенный по отношению к маоистской практике французский журналист Жан-Эмиль Видаль, в коммунах, которые он посетил в ходе своего пребывания в Китае, их члены бесплатно получали *«не только зерно и продукты, являющиеся основой питания в Китае, но и одежду. Оплата стрижки волос, расходов по бракосочетанию или похоронам тоже производилась коммуной»*²¹.

Народные коммуны пытались сочетать сельское хозяйство с промышленностью. Однако в условиях неразвитости производительных сил это в основном свелось к организации «маленьких доменных печей», большинство из которых давали сталь плохого качества, непригодную для промышленного использования. Большая часть этой стали пошла на нужды самих коммун: из нее делали плуги, мотыги и т. п.

Ссылаясь на политику коммунизации, Мао Цзэдуна и его сторонников обычно обвиняют в попытках построения «казарменного коммунизма», однако выступление Мао на совещании в Учане в ноябре 1958 года свидетельствует об обратном.

В этой речи Мао напомнил о том, что три месяца назад в Бэйдайхэ говорилось о скором вступлении Китая в коммунизм. *«Хорошо, что при этом было оговорено пять условий, – сказал отошедшим немного от «левой» горячки руководителям партии Председатель. – 1) Максимальное изобилие продукции; 2) высокое коммунистическое сознание и высокая мораль; 3) высокая культура и ее широкое распространение; 4) ликвидация трех видов различий (т. е. различий между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, между умственным и физическим трудом) и остатков буржуазного права; 5) постепенное отмирание всех функций государства, за исключением внешней... Ликвидировать три вида различий и пережитки буржуазного права невозможно за 20 лет»*²². Здесь мы видим, что Мао рисует марксистскую картину движения к коммунистическому обществу, а вовсе не казарменного коммунизма.

Но что же тогда было основной причиной появления многочисленных перегибов и левого авантюризма, во время осуществления курса народных коммун, в частности случаев обобществления кур, уток, домашней утвари?

Главной причиной было, как это ни банально, пресловутое «головокружение от успехов». Многие члены КПК, а также беспартийные рабочие и крестьяне решили в 1958 году, что до

²¹ Видаль Ж. Указ. соч., с. 43. – Примеч. В.Шапинова.

²² Мао Цзэдун, Выступление на совещании в Учане // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в открытой печати. Выпуск 2, М.1970, с. 395. – Примеч. В.Шапинова.

коммунизма, что называется «подать рукой», не очень хорошо понимая при этом, что такое коммунизм. Этот фактор вошел в резонанс с ростом настроений стихийного уравнительного крестьянского социализма, а также слился с борьбой бедных крестьян в рамках сельхозкооперативов с более богатыми. Если также учесть, что появление народных коммун произошло одновременно с расцветом курса Большого скачка, то станет ясно, что гигантская энергия, энтузиазм, высокие темпы развития не могли не толкнуть не только руководителей, но и целые классы на путь авантюризма. *«С созданием коммун осенью 1958 года, – говорил Мао на совещании в Сэнчжоу в феврале 1959 года, – началось «поветрие обобществления имущества»²³. Осуждая это «поветрие», Председатель говорил, что «перейти к полной собственности коммун, а от нее к общенародной собственности» можно будет только тогда, когда «коммуны обретут экономическую мощь».*

Как бы то ни было, коммунистические одежды оказались слишком велики для китайской деревни конца 50-х. Выступая в Чжэнчжоу, Мао отметил, что «поветрие обобществления имущества» обернулось тем, что *«сотни миллионов крестьян вместе со своими звеньями стали бойкотировать партийные комитеты» и «утаивать продукцию».* Всем стало очевидно, что крестьянина, сотни лет жившего в условиях частной собственности, атомизированного парцеллярного существования вмиг нельзя переделать в коммуниста, обобществление он воспринимает как экспроприацию и понимает только те меры, которые приносят ему непосредственное улучшение материального положения. Полное обобществление в условиях неразвитых производительных сил китайской деревни не могло принести крестьянину непосредственного улучшения положения, а неурожаи, вызванные стихийными бедствиями привели к тому, что уравнительное распределение в коммунах значительная часть крестьян стала воспринимать как несправедливость.

Надо отдать должное руководству КПК и самому Мао, – они своевременно ликвидировали негативные тенденции «коммунизации». Уже к февралю 1959 года, по словам Мао, *«были исправлены такие уклоны, как «поветрие обобществления имущества», «уравниловка, безвозмездная передача имущества и аннулирование ссуд», другие левацкие загибы».* В коммунах было установлено 6–8 разрядов зарплаты, в зависимости от количества и качества труда. В целом можно сказать, что после «левого загиба» распределение было приведено в соответствие с выдвинутым Марксом для первой стадии коммунизма (социализма) принципом «каждому по труду». Более того, «левый загиб» был даже необходим для перехода к этому принципу на селе, где нужно было сломить вековую инерцию крестьянской мелкособственнической психологии. Ибо, как заметил однажды Ленин, чтобы выпрямить палку, нужно перегнуть ее в другую сторону.

Вопреки распространенному мнению, культурная революция также вовсе не была «экономической катастрофой». Как раз наоборот. За разрушительными 1967–1968 годами, когда процессы «захвата власти» и борьба между массовыми организациями хунвэйбинов и цзяофаней действительно дезорганизовали производство, последовали годы бурного роста, которые позволяют назвать период культурной революции периодом наиболее динамичного развития китайской экономики за всю историю. Это стало в том числе и результатом того, что управление производством после побед культурной революции было организовано на новых основаниях. Управление промышленными предприятиями перешло от инженерно-технических работников к революционным комитетам, большинство членов которых было рабочими. Как отмечает очевидец событий француз Жан Делен, руководство предприятиями до культурной революции характеризовали *«антидемократические методы управления, стремление навязать рабочим выполнение решений инженерно-технических работников без какого-либо их обсуждения».* Борьба, продолжает Делен, рассказывая об изменениях в управлении

²³ Маоизм без прикрас, М. 1980, с. 131. – Примеч. В. Шапинова.

Пекинского станкостроительного завода, *«приняла форму соперничества представлений об управлении предприятием; восторжествовали те, кто сумел навязать²⁴ свои взгляды большинству рабочих. Те инженерно-технические работники, которые после критики признали свои ошибки, были в конце концов допущены в революционный комитет. Лишь двое из них были наказаны и переведены на работу в цех, где им открывалась возможность «исправить свой образ мышления производительным трудом»²⁵*. Новое руководство предприятия ставит своей задачей *«привлечь всех рабочих к участию в жизни предприятия»*, отмечал Делен.

Самое важное экономическое мероприятие культурной революции – прекращение выплат национальной буржуазии. Система выплат была введена после победы народной власти, с целью не допустить резких выступлений буржуазных элементов против нового строя. Бедная на грамотные по части производства инженерные и управленческие кадры, Коммунистическая партия вынуждена была часто ставить во главе предприятия бывшего капиталиста. И такая ситуация продолжала воспроизводиться. В 1955 году лишь 28 % студентов были выходцами из семей рабочих и крестьян. В 1965-м их доля увеличилась до 49 %, что все равно было крайне мало. *«Все иностранцы, побывавшие в Китае до культурной революции, поражались тому, что чаще всего им приходилось иметь дело с представителями администрации непролетарского происхождения. Нередко директором завода бывал ветеран революционных битв, а рядом с ним работал технический директор, принадлежавший к бывшему правящему классу»²⁶*. Естественно, в своей массе бывшие капиталисты сожалели о потерянных классовых привилегиях и надеялись их вернуть. Культурная революция была направлена против них, а также против правых в партии, таких, как Лю Шаоци и Дэн Сяопин, которые объективно отражали влияние этого слоя на политические процессы.

Изменение форм управления производством и переход к полностью государственной собственности в промышленности от смешанной (государственно-частной) дало впечатляющие результаты в промышленном производстве. За период с 1966 по 1976 год, то есть за период культурной революции валовой национальный продукт вырос с 306,2 до 543,3 млрд. юаней, или на 77,4 %. Среднегодовые темпы прироста производства промышленной продукции в 1966–1970 годах составляли 11,7 %, что выше, чем в период дэнсяопиновских рыночных «реформ» (около 9 %). Рост в тяжелой промышленности был еще выше, в 1966–1970 годах он составлял 14,7 %, в то время как в период первой «реформаторской» пятилетки (1981–1985) – 9,6 %. Следует учитывать, что в период «реформ» Китай интенсивно привлекал иностранный капитал, в то время как в годы культурной революции развитие осуществлялось за счет внутренних ресурсов. С 1965 по 1975 год добыча угля увеличилась в 2 раза, нефти – в 6,8, газа – в 8 раз, стали – в 1,9 раза, цемента – 2,8 раз, металлорежущих станков – в 4,4, тракторов мощностью более 20 лошадиных сил – в 8,1 раз, а маломощных тракторов – в 52,2 раза, минеральных удобрений – в 3 раза, хлопчатобумажных тканей – на 49,2 %²⁷. В сельской местности Китая в 1973 году было 50 000 малых гидроэлектростанций (для сравнения: в 1949 году – 26); снабжение сельских областей электроэнергией увеличилось в 1973 году на 330 % в сравнении с 1965 годом.

В период культурной революции было построено 1570 крупных и средних промышленных объектов. Китай овладел новейшими технологиями необходимыми для производства ядерного оружия и космических полетов.

Экономические успехи культурной революции отмечает и французский экономист Шарль Беттельхейм: *«Никакого длительного застоя или регресса в экономике страны не было.*

²⁴ Речь идет не о навязывании, а о убеждении большинства рабочих. Вероятно, имеет место неточность перевода. – Примеч. В.Шапинова.

²⁵ Делен Ж. Экономика Китая, М. 1972, с. 130. – Примеч. В.Шапинова.

²⁶ Делен Ж. Экономика Китая, М. 1972, с. 123. – Примеч. В.Шапинова.

²⁷ Данные по: 40 лет КНР, М., 1989, с. 522; Энциклопедия нового Китая, М., 1989, с. 217. – Примеч. В.Шапинова.

Между 1965 г., последним годом перед культурной революцией, и последними годами, для которых у нас есть оценки, не было никакого застоя. Производство электроэнергии увеличилось с 42 до 108 млрд. кВтч (в 1974 г.), производство стали – с 12,5 до 32,8 млн. тонн (в 1974 г.), угля – с 220 до 389 млн. тонн (в 1974 г.), нефти – с 10,8 до 75–80 млн. тонн (в 1975 г.). Говорить о длительном периоде застоя и даже регресса – значит совершенно расходиться с действительностью и просто становиться жертвой клеветы на саму культурную революцию»²⁸.

Что касается «человеческого измерения», то здесь показательна всего одна цифра: за время правления Мао средняя продолжительность жизни в Китае удвоилась с 35 до 69 лет.

* * *

Мао Цзедун действительно не был глубоким теоретиком. Но он подметил одну очень важную черту социализма, которой новое общество отличается от старого. В Советском Союзе Председателя за это окрестили волонтаристом и всюю обвиняли в отступничестве от марксизма. Однако на деле Мао всего лишь повторил то, о чем до него писал выдающийся венгерский марксист Георг Лукач, – тот факт, что после перехода к социализму меняется механизм общественного развития.

Известно, что в классовом обществе политику и другие общественные отношения определяет экономика, а эту последнюю – уровень развития производительных сил. Однако, когда пролетариат берет власть и собственность под свой контроль, роль сознания коренным образом меняется. «Производственные отношения» социализма не вырастают стихийно над производительными силами, а сознательно строятся, на основе науки.

Однако у Мао это понимание ограничилось лишь пренебрежительным отношением к формулам советских учеников о «диалектике производительных сил и производственных отношений», и не оформилось в виде строгой теории.

Интересно рассмотреть вопрос о «социалистическом волонтаризме» на примере полемики Георга Лукача против Розы Люксембург. Немецкая социалистка, которая принадлежала к самому революционному направлению германской социал-демократии, тем не менее в своем понимании механизмов коммунистического развития находилась полностью под влиянием представлений II Интернационала. Роза Люксембург представляет себе этот механизм по аналогии с тем, который господствует в предыстории, когда активным началом выступает стихийное развитие экономических сил, а государство и право лишь фиксирует, оформляет и закрепляет стихийно сложившиеся отношения. В советско-китайской полемике такой точке зрения соответствуют представления КПСС. Лукач спрашивает:

«Сводится ли здесь дело лишь к тому, что пролетарское государство, пролетарское право и т. д. задним числом санкционируют и охраняют состояние общества, созданное действующими без участия сознания, в лучшем случае лишь отражающимися в «ложном» сознании экономическими движущими силами? Или же дело состоит в том, что этой организационной форме пролетариата сознательно отводится определяющая функция в экономическом строительстве переходного периода?»²⁹

Ответ Лукача, который основывается на теоретических работах Ленина и опыте победы революции 1917 года в России и поражения революции 1918 года в Германии, прямо противоположен ответу социал-демократов «старой школы» и ответу Розы Люксембург. Лукач здесь на уровне высокой теории высказывает то, что Мао формулировал в виде лозунга. Вот что говорит венгерский марксист:

²⁸ Цит. по: Дикхут В. Реставрация капитализма в СССР. – Примеч. В.Шапинова.

²⁹ Лукач Г. История и классовое сознание. Критические заметки к брошюре Розы Люксембург «Русская революция». – Примеч. В.Шапинова.

«Сущность буржуазных революций с их блистательным напором в социальном плане определяется тем, что они подводят политические, государственные, правовые и т. д. итоги уже весьма продвинутого социально-экономического развития и делают это в обществе, где феодально-абсолютистская структура уже глубочайшим образом подточена получившим мощное развитие капитализмом. Однако действительно революционным элементом является экономическое преобразование феодального способа производства в капиталистический; так что теоретически вполне можно было бы представить себе, что это развитие свершается без буржуазной революции, без политического преобразования, проводимого революционной буржуазией; а то в феодально-абсолютистской надстройке, что не упраздняется революциями «сверху», рушится «само собой» в эпоху получившего уже полное развитие капитализма. (Развитие Германии отчасти соответствует этой схеме).

Впрочем, пролетарская революция тоже была бы немыслима, если бы ее экономические предпосылки и условия не создавались уже в лоне капиталистического общества развитием капиталистического производства. Колоссальное различие между двумя типами развития заключается, однако, в том, что капитализм как экономическая система развивался уже внутри феодализма, разлагая последний. В то время как фантастической утопией было представление, что внутри капитализма могло бы возникнуть еще и нечто другое, ведущее к социализму, помимо, с одной стороны, объективных предпосылок его возможности, которые, однако, могут быть преобразованы в элементы действительно социалистического способа производства только после свержения, вследствие свержения капитализма, а, с другой стороны, – развития пролетариата как класса. Достаточно вспомнить о процессе развития, который претерпела мануфактура и капиталистическая система аренды уже тогда, когда существовали феодальные общественные порядки. Здесь и в самом деле надо было только убрать правовые ограничения с пути их свободного развития. Напротив, хотя концентрация капитала в картелях, трестах и т. д. и образует неотъемлемую предпосылку преобразования капиталистического способа производства в социалистический, но при этом даже самая высокоразвитая капиталистическая концентрация будет также экономически качественно отличаться от социалистической организации и не сможет ни превратиться в нее «сама собой», ни трансформироваться в нее «правовым путем», в рамках капиталистического общества...

*...Этот процесс, однако, качественно отличается от преобразования феодального общества в буржуазное. И именно это качественное отличие выражается качественно различными функциями в революции, выполняемыми государством, буржуазным и пролетарским, причем пролетарское государство, как говорит Энгельс, «уже больше не является государством в собственном смысле слова»; оно выражается наиболее отчетливо в качественно отличных отношениях между политикой и экономикой. Об этой противоположности ярко свидетельствует уже осознанность роли государства в пролетарской революции вразрез с его идеологической маскировкой в буржуазных революциях, предусмотрительная и преобразующая сознательность пролетариата вразрез с познанием буржуазии, которое в силу необходимости проходит *post festum*»³⁰.*

С этим переворачиванием соотношения политики и экономики сталкивается любая революция, как только перед ней становятся социалистические (коммунистические) задачи. Афористично этот переворот был сформулирован Мао Цзедунем в его знаменитом изречении: «Политика – командная сила». Коммунизм переворачивает соотношение «базиса» и «надстройки» – то, что когда-то было лишь надстройкой над незыблемой основой экономических отношений, теперь начинает властно вторгаться в них, перестраивать, уничтожая производственные отношения одно за другим. Это действие не сводится лишь к ускорению или замед-

³⁰ Указ. соч. – Примеч. В.Шапинова.

лению стихийного процесса (то есть к «обратному влиянию надстройки на базис»), это именно определяющая, активная роль.

Ключевая роль в этом процессе принадлежит субъекту коммунистического действия – важнейшему звену диктатуры пролетариата – коммунистической партии, объединяющей коммунистически-сознательные элементы общества.

Согласно подходу брежневского истмата объективное – это хорошо, а субъективное – плохо, что когда экономика определяет политику – это материализм, а когда сознательное действие коммунистического субъекта преобразует общество – нет. Таким образом, подход Лукача и Мао, с брежневской точки зрения, есть идеалистическая и волюнтаристская вылазка против самых основ марксистского учения. Однако, тогда подобную вылазку придется поставить в вину самому Фридриху Энгельсу, который писал:

«Взгляд, согласно которому будто бы идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали. Этот взгляд лишь в более или менее отдаленном будущем может стать соответствующим действительности, поскольку люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя...»³¹

Проблема состоит в том, что если не знать необходимости изменения общественного строя, то никакого социализма и коммунизма не получится вовсе. Материализм здесь заключается не в том, что человек, как полено, брошенное в воду, плывет по течению стихийных экономических сил, а в том, что он должен сознательно действовать, но не по произволу, а в соответствии с познанной необходимостью.

Значит, принципиально иное значение для действительного коммунистического движения приобретает теория. Это уже не просто осмысление собственной практики *post festum*, задним числом, а полностью сознательная деятельность. Можно сказать, что разница между ролью теории в буржуазной революции и коммунистической примерно такая же, как между добыванием огня при помощи трения двух деревянных тел и получением энергии ядерного распада. Первое может происходить без всякого знания законов физики, для второго знание этих законов будет предпосылкой.

Но становление коммунистической теории происходит первоначально также в отчужденной от практики форме, следствием чего является необходимость *внесения извне* этой теории в вызванное экономическими причинами стихийное движение пролетариата³².

Таким образом, владеют этой теорией в начале движения лишь немногие «водители», которые в условиях разделения труда, с одной стороны, смогли получить надлежащую теоретическую подготовку, с другой – встали на сторону угнетенного класса. Однако, для коммунистических преобразований нужно массовое коммунистическое сознание, которое может быть сформировано только в революционной деятельности по преобразованию всех общественных отношений. Сама эта деятельность есть деятельность субъекта и в то же время процесс его становления.

Здесь существует серьезная опасность. Заключается она в том, что коммунистам, как правило, приходится решать сначала не коммунистические задачи, а доделывать то, что недоделал капитализм. В такой деятельности формирование коммунистического субъекта представляет серьезные трудности, что опять же наглядно демонстрирует пример СССР.

Был ли Мао достаточно подготовленным вождем для этого? Очевидно, нет. Он и сам признавал свою теоретическую слабость: *«Многого я и сам еще не изучал. Лично у меня много*

³¹ Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, С. 639. – Примеч. В.Шапинова.

³² Подробнее об этом см. «Что делать?» В.И.Ленина. – Примеч. В.Шапинова.

недостатков. Я отнюдь не совершенный человек. Нередко я сам бываю недоволен собой. Я не изучил как следует все разделы марксизма. Иностранными языками, к примеру, я тоже не владею. Экономику я только-только начал изучать».

Однако когда обстоятельства требовали от Мао принятия решений, он почти всегда выбирал безошибочно.

То, что такое «классовое чутье» не может заменить сознательную диалектику, понимал и сам Мао. Поэтому, в отличие от Мао из мифа, который говорит «не надо читать много книг», реальный Председатель всегда советовал своим последователям: *«Мы должны изучать марксизм-ленинизм... Все мы без исключения должны учиться. А что делать, если не хватает времени? Если не хватает времени, нужно изыскать время. Проблема в том, чтобы выработать привычку к учебе; тогда мы сможем продолжать учение».*

Характерным для Мао был также взгляд на мировой капитализм как на разделенную внутри себя на «центр» и «периферию» систему. Схематично понятый марксизм обычно приводит к выводу, что все страны проделывают один и тот же путь – более развитые показывают менее развитым их собственное будущее. Однако на деле получается по-другому. «Развивающиеся» страны никогда не догоняют «развитые».

Капиталистическая система, которая стала глобальной, протянула производственные цепочки во всему миру и объединила самые отдаленные уголки планеты в единый мировой рынок, создает принципиально различные экономические и социальные ситуации в разных странах и регионах.

Это положение описывает концепция «трех миров» Мао Цзэдуна.

Собственно, «три мира» – это два полюса глобальной капиталистической экономики плюс отдельный «мир» социализма. «Первый мир» – это самые богатые страны, составляющие три центра мирового империализма – США + Канада, богатые страны Европы и Япония. Эти страны служат центрами накопления капитала в мировом масштабе, здесь располагаются штаб-квартиры самых богатых и могущественных корпораций. Здесь значительная часть рабочего класса подкуплена за счет сверхприбылей, стекающихся в страны «первого мира» со всего света.

«Третий мир», напротив, является полюсом эксплуатации. Здесь идет интенсивный процесс пролетаризации – постоянно создается горючий материал мировой политики.

Поэтому, в отличие от марксистских догматиков, не видящих изменений по сравнению с XIX веком, в центре внимания маоистов страны «третьего мира». И такой взгляд подтверждает практика XX века: революции прошлого века побеждали только на задворках капитализма – в Китае, Вьетнаме, Корее, на Кубе, в Албании, Афганистане или на «полупериферии» – в Российской империи и более развитых странах Восточной Европы.

Современные примеры революций в Венесуэле и Непале также подтверждают правоту Мао – мировая революция будет идти из «мировой деревни» в «мировой город», а не наоборот, как утверждают, например, многие последователи Троцкого.

Важны для современной революционной мысли те замечания, которые сделал Мао во время так называемой полемики о генеральной линии коммунистического движения.

Полемика касалась противоречий между линией хрущевского руководства КПСС и левой линией Компартии Китая, противоречий, имевших значение для всего мирового коммунистического движения.

В 1962–1963 годах ЦК КПСС и ЦК КПК обменялись открытыми письмами, в которых были обозначены взаимные претензии двух партий. Так завязалась переписка, которая по своему историческому значению превосходит все предшествовавшие ей выяснения отношений в эпистолярном жанре, будь то переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским или Екатерины II с Вольтером. А мировое пролетарское движение не видело такого со времен, когда Ленин и Каутский сражались за наследие Маркса на страницах европейской рабочей печати.

По результатам «обмена любезностями» редакции газеты КПК «Жэньминь Жибао» и теоретического журнала «Хунци» в течение 1963–1964 гг. выступили с рядом комментариев на открытое письмо ЦК КПСС. Несмотря на то что эти документы были подписаны редакциями центральных печатных органов КПК, на деле они были подготовлены при личном участии Мао Цзедун. Эти комментарии раскрывают позицию китайских марксистов по проблемам и вопросам, стоявшим в тот период перед мировым коммунистическим движением.

Ко времени написания этих ответов лидеры китайской партии уже определенно осознавали себя коллективным Лениным, а своих оппонентов из советской партии – коллективным Бернштейном и Каутским. Во многом это примерно так и было, если оценивать позиции КПК и КПСС, а не теоретический уровень рассмотрения проблем, который был ниже, чем в социал-демократическом движении начала прошлого века. Заголовок одной из статей в ответ на открытое письмо ЦК КПСС («Пролетарская революция и хрущевский ревизионизм») был выбран явно исходя из такой нескромной исторической аналогии – с намеком на название работы Ленина «Ренегат Каутский и пролетарская революция». В самой статье взгляды Хрущева и советских руководителей по вопросам пролетарской революции сравнивались с соответствующими взглядами известных ренегатов марксизма и теоретиков II Интернационала – Карла Каутского и Эдуарда Бернштейна.

Слова Хрущева, сказанные им на XX съезде и ставшие руководством для КПСС и многих компартий мира, о том, что парламент *«можно превратить из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли»*, если завоевать там *«прочное большинство»*³³, действительно представляли собой фактически повторение позиции Бернштейна, защитника *«легальной парламентской дороги к социализму»*, без насильственной революции, слома старой государственной машины и диктатуры пролетариата.

Бернштейн считал, что капитализм может мирно «перерасти» в социализм. Каутский, встав на путь ревизионизма, также стал выступать переход к социализму путем завоевания большинства в парламенте и превращение парламента в «хозяина» правительства – перечисляя немецких оппортунистов, китайцы выстраивали неприятный для советских лидеров ряд их идейных предшественников.

Мао Цзедун, отстаивая революционные принципы, писал, что ошибочное положение о мирном переходе от капитализма к социализму *«по существу, является открытой ревизией марксистско-ленинского учения о государстве и революции, открытым отрицанием всеобщего значения пути Октябрьской революции»*. *«Марксизм открыто заявляет о неизбежности насильственной революции. Он указывает, что насильственная революция есть повивальная бабка, без которой не обходится рождение социалистического общества, есть неминуемый путь замены буржуазной диктатуры диктатурой пролетариата, всеобщий закон пролетарской революции»*.

Мао Цзедун и китайские коммунисты напоминали лидерам КПСС, что *«пролетарская партия ни в коем случае не должна строить свои идейные установки, революционный курс и всю работу на предположении, что империалисты и реакционеры пойдут на мирные преобразования»*.

Китайцы высмеивали аргументы КПСС в пользу «мирного перехода к социализму». Лидеры КПСС говорили о том, что Маркс в свое время писал о возможности мирного перехода к социализму в Англии, а Ленин о возможности мирного развития революции в России в 1917. Однако в КПСС «забыли», иронизировали китайцы, что Маркс и Ленин говорили о такой возможности, как об исключении, к тому же эта возможность нигде на деле не реализовалась. И дальше в том же духе:

³³ Хрущев Н.С. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. // XX съезд КПСС: Стенографический отчет, т. 1, с. 40. – Примеч. В.Шапинова.

Лидеры КПСС утверждали, что в *«Венгрии в 1919 году диктатура пролетариата была установлена мирными средствами»*. Но на деле венгерская компартия с самого своего основания выдвинула лозунг: *«Разоружение буржуазии, вооружение пролетариата, установление власти Советов»*. Авторы статьи приводили цитаты лидера венгерских коммунистов Бела Куна и свергнутого руководителя буржуазного правительства, доказывающие, что переход к диктатуре пролетариата был осуществлен благодаря переходу армии на сторону революции. Китайские коммунисты разоблачали также утверждение о мирном характере победы социализма в Чехословакии в 1948 году. Тогда пришлось подавлять направляемый американским империализмом и местной буржуазией контрреволюционный путч путем применения вооруженной силы.

Утверждения Хрущева о том, что создались *«благоприятные международные и внутренние условия»* в ряде стран для совершения социалистической революции *«в мирных формах»* вообще характеризовались как *«арабская сказка»*. В качестве контраргумента приводились данные о том, что общее количество войск США в сравнении с 1939 годом возросло в 9 раз и составило 2,7 миллиона человек. В Великобритании численность полиции увеличилась с 67 тыс. человек в 1934 году до 87 в 1963 году. Во Франции за тот же период численность полицейских сил возросла с 80 до 120 тыс. человек и т. д. Американский империализм открыл по всему миру более 2200 военных баз, а численность его войск, находящихся за границей превысила 1 миллион человек. Американский империализм помогал Чан Кайши в ходе гражданской войны в Китае, прямым военным вмешательством помог подавить народные силы в ходе гражданской войны в Греции, вел агрессивную войну в Корее, высадил свои войска в Ливане, чтобы создать угрозу иракской революции, подавлял национально-освободительное движение в Конго, организовал попытку вторжения контрреволюционеров на Кубу. О каком же *«мирном переходе к социализму»* можно при этом говорить?

Китайские коммунисты писали, что на тот момент около половины коммунистических партий в капиталистических странах действовали нелегально. Соответственно, для них вопрос завоевании *«прочного большинства»* в парламенте даже не стоял. *«Например, Коммунистическая партия Испании работает в условиях белого террора и не имеет возможности участвовать в выборах. Жалко и трагично, что испанские коммунистические лидеры, подобно Ибарури, вынуждены следовать Хрущеву в защите «мирного перехода» для Испании»*³⁴. Там же где компартии легальны, дискриминационные законы или нечестные выборы не позволяют коммунистам набрать значительное количество голосов. В общем, зюгановские сказки о завоевании большинства в парламенте, которые российские коммунисты слушают до сих пор, начал рассказывать еще Хрушев.

*«Даже если при определенных обстоятельствах коммунистическая партия сможет выиграть большинство мест в парламенте и в результате победы на выборах принять участие в правительстве, она не изменит буржуазной природы парламента или правительства, еще менее это будет означать слом старой и установление новой государственной машины. Абсолютно невозможно произвести фундаментальные общественные перемены, полагаясь на буржуазный парламент или правительство»*³⁵.

Все революции, победившие после 2-й мировой войны, от Китайской до Кубинской, *«победили в вооруженной борьбе и в борьбе с вооруженной империалистической агрессией и интервенцией»*³⁶.

³⁴ Proletarian revolution and Khrushchov's revisionism // The Polemic on the General Line of the International Communist Movement, p. 389. – Примеч. В.Шапинова.

³⁵ Ibid, p. 390.

³⁶ Ibid, p. 399.

Сколько раз пролетарское движение может наступать на одни и те же грабли? – спрашивали китайцы и тут же приводили примеры того, к чему приводит на практике тезис о «мирном пути к социализму». Так, руководители Иракской компартии, руководствуясь этой теорией, не смогли противостоять вооруженному контрреволюционному перевороту, что привело к гибели многих коммунистов кризису коммунистического движения, продолжающемуся до сих пор. Алжирская компартия, верная заветам Хрущева, выступала против вооруженной борьбы за освобождение страны от французского колониализма. Однако народные массы все равно вели вооруженную борьбу с оккупантами и победили. Авторитет компартии в результате этого катастрофически упал, а власть в стране получили левые националисты Ахмета Бен Беллы.

Статья завершалась цитатой из Манифеста Коммунистической партии Маркса и Энгельса, которую неплохо было бы перечитывать перед сном также многим сегодняшним коммунистам: *«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя»*.

В следующей статье под не менее громким названием «О хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке», которая была опубликована 14 июля 1964 года, речь шла о последствиях ревизионистской политики руководства КПСС внутри страны. Это, по задумке китайских коммунистов, был последний теоретический гвоздь в гроб хрущевско-брежневского руководства КПСС. Однако, безупречная с точки зрения марксизма критика так и не была доведена до широких масс в СССР (в то время как советские открытые письма печатались в китайской печати на протяжении всей полемики). Анализируя условия, сделавшие возможной реставрацию капитализма в Советском Союзе, и сегодня неплохо обратиться к китайским материалам сорокалетней давности. Ведь ко многим выводам, сделанным тогда Мао, советские коммунисты пришли только в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, да и то не все.

Ко времени опубликования этой критики XXII съезд КПСС одобрил теоретические «новшества» Никиты Сергеевича и объявил СССР «общенародным государством», а КПСС – «партией всего народа». Тем самым КПСС фактически отказалась от диктатуры пролетариата. В новой программе КПСС было записано: *«Обеспечив полную и окончательную победу социализма – первой фазы коммунизма – и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР»*³⁷.

Мао показывал, что новые теории КПСС являются на деле отказом от марксистского учения о государстве.

Согласно марксистской теории после победы пролетарской революции вместо диктатуры буржуазии должна возникнуть новая власть, власть победившего класса – диктатура пролетариата. Основываясь на опыте Парижской коммуны 1871 года, К. Маркс сделал вывод, что пролетариат не может просто взять в свои руки готовую государственную машину, доставшуюся по наследству от эксплуататорских классов, он должен сломать эту машину и выстроить на ее месте новую. Эта новая государственная машина не будет уже государством в собственном смысле этого слова, оно, постепенно выполняя свои задачи будет отмирать.

Основной функцией пролетарского государства, по мнению К. Маркса, должно стать подавление сопротивления эксплуататорских классов и, в конечном счете, уничтожение классов, переход к бесклассовому коммунистическому обществу:

Руководство КПСС фактически отказалось от основных положений марксизма в своей новой партийной Программе 1961 года. Согласно ей «диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию». Однако по Марксу историческая миссия диктатуры пролетариата заключается в построении полного коммунистического общества, чего в СССР в 1961 году

³⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза, 1961, с. 100–101. – Примеч. В.Шапинова.

явно не наблюдалось. На тот момент не было полностью ликвидировано социально-экономическое неравенство, а тем более – разделение труда как основа всех форм отчуждения.

Классовая борьба выносилась Коммунистической партией Советского Союза «куда подальше» за рамки СССР на международную арену: социалистическое общенародное государство *«совместно с другими социалистическими государствами ведет классовую борьбу против империализма на международной арене»*³⁸.

Все социальные слои советского общества с их часто различными и даже противоречивыми интересами объединялись понятием «народ». «Народным» стало не только государство, но и партия: *«Народ – решающая сила строительства коммунизма. Партия существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности. Дальнейшее расширение и углубление связей партии с народом – необходимое условие успеха борьбы за коммунизм»*³⁹.

Китайские коммунисты стремились показать, что отмена диктатуры пролетариата (пусть только в теории) в условиях, когда еще не ликвидированы окончательно классы, существует классовая борьба, товарное производство и т. п., ведет к поражению социализма.

На основании многочисленных фактов, почерпнутых из советской прессы, китайские марксисты делали вывод о существовании в СССР классовой борьбы и опасности реставрации капитализма.

Авторы статьи приводили массу фактов из фабричной и колхозной жизни, когда фабрики и колхозы фактически превращались в капиталистические предприятия, где эксплуатировался труд, а прибыль присваивалась директорами и другими руководителями.

Поражение социализма в нашей стране заставляет более внимательно отнестись к предостережениям Мао Цзедун и Компартии Китая относительно возникновения внутри социалистического общества буржуазных элементов и сохранения возможности реставрации на протяжении всего периода существования социализма.

Эти элементы Мао Цзедун назвал «новой буржуазией». Возможно, термин не является корректным, но отражает одну из сторон явления. Социализм в свой первый период – это государственный капитализм при диктатуре пролетариата. Следовательно, разложение и перерождение диктатуры, которое становилось все более очевидным при Хрущеве и Брежнев, дает все больший перевес в сторону государственного капитализма как такового.

Мао не хотел, чтобы движение к коммунизму обратилось в «застой». Поэтому он лично написал листовку «Огонь по штабам!» и позволил революционной молодежи – хунвейбинам и цзаофаням – свергать партийных начальников любого уровня, вплоть до переродившегося премьер-министра Лю Шаоци.

Мао не хотел, чтобы мировая революция останавливалась, а коммунистические партии погрязли в «реальной политике» реформ и компромиссов. Поэтому он настаивал на сохранении коммунистическим движением революционных принципов. И сегодня коммунистические партии, верные идеям Мао, ведут вооруженную борьбу против капитализма – активнее всего в Непале, Индии, на Филиппинах.

Мао не хотел, чтобы марксизм превратился в сухую, никому не нужную догму, как это произошло в позднем СССР. *«И догматизм и ревизионизм идут вразрез с марксизмом. Марксизм, несомненно, будет развиваться; он будет развиваться дальше по мере развития практики. Он не может топтаться на месте. Остановка и трафарет несут ему смерть»*, – подчеркивал Председатель.

И поскольку потребность в радикальной критике существующего общества и преобразовании его на новом основании в условиях глобализации сохраняется и растет, то растет и

³⁸ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, с. 39. – Примеч. В.Шапинова.

³⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 140. – Примеч. В.Шапинова.

потребность обращаться за советом к Председателю Мао – великому практику и неплохому теоретику Переворота.

В. Шапинов

Часть 1. Произведения Мао Цзэдуна

Глава 1. «Маленькая красная книжечка»

Изучайте труды Председателя Мао Цзэдуна, слушайте его советов, поступайте по его указаниям.

Линь Бяо⁴⁰

I. Коммунистическая партия

Центральной силой, руководящей нашим делом, является Коммунистическая партия Китая. Теоретической основой, определяющей наши идеи, является марксизм-ленинизм⁴¹.

Выступление на открытии первой сессии Всекитайского Собрания народных представителей Китайской Народной Республики первого созыва (15 сентября 1954 года)

Для совершения революции нужна революционная партия. Без революционной партии, без партии, созданной на основе революционной теории марксизма-ленинизма и в марксистско-ленинском революционном стиле, невозможно привести рабочий класс и широкие народные массы к победе над империализмом и его приспешниками.

⁴⁰ Линь Бяо (настоящее имя – Юй Жун) родился в 1906 году в деревне Хуйлуншань уезда Хуанган провинции Хубэй в семье мелкого фабриканта. Его отец разорился после Первой мировой войны, и в возрасте десяти лет Юй Жун покинул семью. В семнадцать он вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а в девятнадцать (1925 год) в Компартию Китая. В то же время он поступает в военную школу Вампу, а в 1927 году становится командиром взвода гоминдановской армии, а затем полка. Когда правые лидеры Гоминдана во главе с генералом Чан Кайши разрывают блок с КПК и начинают репрессии против коммунистов, Линь Бяо принимает участие в организованном коммунистами Наньчанском восстании, которое терпит поражение. Затем, вместе с Чжу Дэ участвует в создании первых частей Красной Армии. 1-я армейская группа под командованием Линь Бяо в октябре 1934 года шла в авангарде Великого похода – крупнейшей операции революционной войны в Китае по переброске частей Красной армии из Юго-Восточного Китая, где им грозил разгром на северо-запад страны. В период антияпонской войны (1937–1945 годы) Линь Бяо командует дивизией. В 1939 году он уезжает в СССР, где представляет Компартию Китая в Коминтерне. Возвращается в 1942 году, и его избирают секретарем Северо-Восточного бюро ЦК КПК. В 1945 году Линь Бяо становится командиром маньчжурской Объединенной демократической армии численностью до 300 тысяч человек. В 1945–1949 он проводит ряд успешных операций, которые внесли решающий вклад в разгром Гоминдана и победу Компартии в гражданской войне. После победы коммунистов он работает на различных военных и партийных постах. С 1954 года Линь Бяо – заместитель председателя Государственного комитета обороны. С сентября 1956 года – член Политбюро ЦК КПК, с мая 1958 года – член Постоянного комитета Политбюро ЦК и один из заместителей председателя ЦК КПК. С сентября 1959 года, после Лушаньского совещания и снятия правого маршала Пэн Дэхуая, Линь Бяо становится министром обороны КНР. Линь Бяо стал знаковой фигурой левого поворота в Компартии – именно он заменил на их постах лидеров правых – сначала Пэн Дэхуая, а затем Лю Шаоци. Линь Бяо становится одним из вдохновителей и наиболее левых лидеров культурной революции. Он был редактором-составителем и автором предисловия к сборнику цитат Мао – «маленькой красной книжечке». В сентябре 1971 года Линь Бяо гибнет при загадочных обстоятельствах. Самолет с ним и его семьей разбивается на территории Монголии. Линь Бяо поставили в вину заговор против Центрального Комитета и Мао Цзэдуна. Однако, эта версия уже тогда не выдерживала никакой критики – Линь Бяо занимал второй пост в ЦК, а сам комитет состоял чуть ли не на треть из его близких сторонников. До этого никаких противоречий между Линь Бяо и Мао не было замечено, председатель сам выдвинул его в качестве своего преемника. Действительная причина опалы состояла в том, что Линь Бяо не был готов в условиях тупика культурной революции принять компромисс с правыми, который предлагал заключить Мао. В обмен на сохранение внутренних результатов культурной революции Мао был готов пойти на одобрение правого внешнеполитического курса (сближение с США). Учитывая позицию Линь Бяо, такой компромисс не мог быть реализован кроме как через устранение его группировки. Показательно, что сам Мао долгое время после гибели Линь Бяо и официального осуждения маршала вообще не высказывался на этот счет. Даже на X съезде КПК доклад о «деле Линь Бяо» читал Чжоу Эньлай. Таким образом, Мао подчеркнуто дистанцировался от всей истории с главнокомандующим. – *Примеч. науч. ред.*

⁴¹ «Маленькая красная книжка» представляет собой цитатник из произведений Мао Цзэдуна и его публичных выступлений. – *Примеч. ред.*

«Революционные силы всего мира, спланивайтесь на борьбу против империалистической агрессии!» (ноябрь 1948 года). Избранные произведения, т. IV

Без усилий Коммунистической партии Китая, без китайских коммунистов, как станового хребта китайского народа, невозможно добиться независимости и освобождения Китая, невозможно также добиться индустриализации страны и модернизации ее сельского хозяйства.

«О коалиционном правительстве» (24 апреля 1945 года). Избранные произведения, т. III

Коммунистическая партия Китая является руководящим ядром всего китайского народа. Без такого ядра невозможна победа дела социализма.

Речь на встрече с делегатами III Всекитайского съезда Новодемократического союза молодежи Китая (25 мая 1957 года)

Партия, обладающая дисциплиной, вооруженная теорией марксизма-ленинизма, применяющая метод самокритики и тесно связанная с народными массами; армия, руководимая такой партией; единый фронт, руководимый такой партией и объединяющий все революционные классы и революционные группы, – эти три фактора представляют собой главное оружие, с помощью которого мы побеждаем врагов.

«О демократической диктатуре народа» (30 июня 1949 года). Избранные произведения, т. IV

Мы должны верить в массы, мы должны верить в партию – это два основных принципа. Если мы будем сомневаться в этих принципах, то не справимся ни с какой работой.

«О кооперации сельского хозяйства» (31 июля 1955 года)

Вооруженная марксистско-ленинской теорией и идеями Коммунистическая партия Китая принесла китайскому народу новый стиль работы, основными чертами которого являются соединение теории с практикой, тесная связь с массами и самокритика.

«О коалиционном правительстве» (24 апреля 1945 года). Избранные произведения, т. III

Партия, руководящая великим революционным движением без знания революционной теории, без знания истории, без глубокого понимания практического движения, не может завоевать победу.

«Место Коммунистической партии Китая в национальной войне» (октябрь 1938 года). Избранные произведения, т. II

Как мы в свое время говорили, движение за упорядочение стиля является «всеобщим движением за марксистское воспитание». Упорядочение стиля есть изучение всей партией марксизма путем развертывания критики и самокритики. В ходе такого движения мы сможем еще больше усвоить марксизм.

«Речь на Всекитайском совещании КПК по вопросам пропагандистской работы» (12 марта 1957 года)

Добиться лучшей жизни для сотен миллионов китайцев, превратить нашу страну из экономически и культурно отсталой в богатую, могучую и высококультурную – задача трудная и большая. И именно для того, чтобы успешнее справиться с этой задачей и плодотворнее работать вместе со всеми идейными, целеустремленными людьми, некоммунистами, которые посвятили себя преобразованиям, мы должны проводить упорядочение стиля, проводить не только сейчас, но и в будущем, постоянно освобождать себя от всего ошибочного.

«Речь на Всекитайском совещании КПК по вопросам пропагандистской работы» (12 марта 1957 года)

Политика служит отправным пунктом всех практических действий революционной партии и раскрывает себя в процессе и в результате этих действий. Любое действие революционной партии представляет собой осуществление политики. Если она не осуществляет правильную политику, то осуществляет ошибочную политику, если она не осуществляет ту или иную политику сознательно, то осуществляет ее вслепую. То, что мы называем опытом, есть процесс и результат осуществления политики. Только в практике народа, иными словами на опыте, можно доказать правильность или неправильность политики и определить, насколько она правильна или ошибочна. В свою очередь, практика людей, в особенности практика революционной партии и революционных масс, не может быть не связана с той или иной политикой. Поэтому, прежде чем предпринимать какое-либо действие, необходимо разъяснить членам партии и народным массам политику, выработанную нами в соответствии с обстановкой. В противном случае члены партии и народные массы не смогут руководствоваться нашей политикой, будут действовать вслепую и проводить ошибочную политику.

«О политике в области промышленности и торговли» (27 февраля 1948 года). Избранные произведения, т. IV

Нашей партией разработаны генеральная линия и генеральная политика китайской революции, а также определены конкретные линии в работе и конкретные политические установки. Однако многие товарищи зачастую помнят лишь отдельные конкретные линии в работе и отдельные политические установки нашей партии, забывая ее генеральную линию и генеральную политику. Но если мы действительно забудем генеральную линию и генеральную политику нашей партии, то мы превратимся в слепых, неполноценных революционеров, лишенных трезвости взгляда, и, проводя в жизнь конкретные линии и конкретные политические установки, потеряем ориентацию, будем уклоняться то влево, то вправо и нанесем вред своей работе.

«Речь на совещании кадровых работников Освобожденного района Шаньси – Суйюань» (1 апреля 1948 года). Избранные произведения, т. IV

Политика и тактика – это жизнь партии. Руководящие работники всех ступеней должны уделять максимум внимания и никогда не допускать небрежности.

«Сообщение об обстановке» (20 марта 1948 года). Избранные произведения, т. IV

II. Классы и классовая борьба

Классовая борьба, победа одних классов, уничтожение других – такова история, много-тысячелетняя история цивилизации. Толкование истории с этой точки зрения есть исторический материализм, а с противоположной точки зрения – исторический идеализм.

«Отбросить иллюзии, готовиться к борьбе» (14 августа 1949 года). Избранные произведения, т. IV

В классовом обществе каждый человек живет как индивид определенного класса, и нет такой идеологии, на которой бы не лежала классовая печать.

«Относительно практики» (июль 1937 года). Избранные произведения, т. I

Изменения в обществе обуславливаются главным образом развитием противоречий внутри общества, то есть противоречия между производительными силами и производственными отношениями, противоречий между классами, противоречий между новым и старым.

Развитие этих противоречий двигает общество вперед, приводит к смене старого общества новым.

«Относительно противоречия» (август 1937 года). Избранные произведения, т. I

Жестокая экономическая эксплуатация крестьянства и политическое угнетение его помещиками вызывали многочисленные крестьянские восстания, направленные против господства помещиков... В китайском феодальном обществе только эта классовая борьба крестьянства, только эти крестьянские восстания и войны и были истинными движущими силами исторического развития.

«Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (декабрь 1939 года). Избранные произведения, т. II

Национальная борьба в конечном счете относится к классовой борьбе. Негров в США угнетают лишь те белые, которые образуют реакционные правящие круги. Они никак не могут представлять рабочих, крестьян, революционную интеллигенцию и других прогрессивно настроенных лиц, составляющих абсолютное большинство белых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.